

Когда все наши всех не наших перебьют, а наших всех угробят все не наши, когда все те порубят всех не тех, а все не те заруют тех и этих, — тогда этническое равенство берцовых, голеностопных, тазовых, височных не будет волновать дегенератов, усопших в героической борьбе, дегенералов, штаб дегенеральный с дегенеральной линией не будет волновать такой дегенеральный путь и прах, дегенеральный

крах

рядов сплоченных пиццей из крахмала. — Ныне у всех на устах уже не: «Что делать? Кто виноват? Что с нами происходит?», а — вопрос-пульсар: «Что будет?». Юнна Петровна, можно ли еще заменить «когда» на «если» в первой строчке вашего стихотворения?

— В стихах ничего нельзя заменить. И, вообще, поэзия — не товар быстротекущей действительности, тем более — не зеркало для отражения общественных мерзостей. Это стихи обо всем — от молекул до черных дыр. Однако один из самых плоских и поверхностных планов сошел, к сожалению, с нашей родимой реальностью...

Вещь написана два года назад, когда еще Невзоров был истерически обожаем демократски настроенной публикой, а главная поэма его зажигательной души «Наши» уже повсюду созревала и наливалась не клюквенным, а кровавым соком. Ведь ни в одной нормальной, человеческой, не людоедской стране вы не сможете никому объяснить, каким образом, по каким приметам и признакам население делится на «наших» и на «не наших». Эта селекция — сугубо оккупационного, концлагерного, военного режима. И теперь перед сном вся страна смотрит по телевизору, как и где «наши» доблестно перебили «не наших». И если угроблено всего лишь несколько десятков, значит, хотели бы всех перебить, да пока еще не смогли — не было верховной главной команды. Спасибо, что еще все это продают гласности, а не творят втихаря. Однако гляденые всеобщее и одновременно беспомощность, ожидание худшего, сама допустимость этого худшего — вот настоящая, изощренная пытка, привыкнув к которой, люди впадают в скотское состояние, готовы снести все унижения, чтобы выжить, а в итоге — их гонят на бойню.

Сейчас мы с вами сидим-говорим об этом, но в каждом ведь доме, в каждом углу государства любой человек понимает прекрасно все эти «толстые тонкости». И все как бы страстно желают, чтобы скорее кончился этот обвалный ужас, но ведь все мероприятия власти нацелены на разжигание Ненависти, а более всего — те, что как бы направлены на погашение этой Ненависти, крайне удобной и совершенно благоприятной для захвата гор, лесов, морей и всех прочих источников благ под шумок перестрелки «наших» с «не нашими». Сила поэзии — не в ремонте общественных организмов. Поэт послан в мир как Свидетель того, что Свет есть и доступен людям. А сам поэт — не есть Свет, он блуждает наравне со всеми во мраке, но как раз поэтому мрак обретает имя и может быть узан. А когда мрак назван и узан, значит, Свет про-

лился. Не «если», а «когда», — это крайне важно.

— А правда, что поэты чувствуют коллективное бессознательное и предчувствуют будущее?

— Это чувствует и предчувствует каждый живой человек — без исключений, кто-то более остро, кто-то менее. Но поэт иногда способен предчувствия эти запечатлеть и назвать. Задним числом припишет ему сверхъестественные свойства пророка, начисто позабыв, что все это прямо-таки носилось в воздухе, которым дышали все.

Мы, к слову, крайне невежественны в своих представлениях о психологии личности и толпы, человека в человеческой массе. Стало банальностью, что человек в

Москва. Колосовская. — 1991. — Сентябрь

НАШ КОНЕЦ СВЕТА

Поэт Юнна МОРИЦ: «Но ведь партчиновники и «черные полковники» тоже считают себя народом, всех нас народили»

толпе как бы перестает быть самим собой и, непонятным пока образом, превращается в агрессивного, легко внушаемого, спсобного огнем и мечом служить идее, ничего общего не имеющей с его грядущими благами. Но человек отнюдь не перестает быть именно в толпе самим собой. Причем заняться этой проблемой следовало бы фундаментальной науке, а не депутатам и градоначальникам.

— И толпы, ведомые демократами, вам тоже не по душе?

— Да, тоже внушают опасение недалежным эгоцентризмом, ибо я до сих пор не видела, чтобы эти демократские толпы, столь активные на Манежной, вышли бы в морозные январские дни защитить стариков и старух от павловского регламента (три дня, 200 рублей — помри, но успей!), в котором изначально был запрограммирован вульгарный грабеж нищих в атмосфере внезапности, страха и паники. Это было подлинным горем для пенсионеров, которые держали деньги «на гроб», — кроме того, многие старики именно на зиму снимают со счетов деньги, чтобы не ходить в сберкассах; в это время года по Москве ходят старческими ногами просто опасно. Я не обсуждаю экономическую целесообразность павловского аврала и не призываю к саботажу правительственных указов. Я говорю о вещах более важных, о чудовищном стиле отношений центральной власти с народом, о дегенеральной бесчеловечности, которая просто немислима ни в одной нормальной стране.

Общезвестно, что армия на вражеской территории отдает команды, издает указы, срок исполнения которых 24 часа, 48

часов, трое суток. Из всех языков, на которых общаются земные правительства со своими народами, Павлов избрал язык внезапного нападения, организованной им лично паники военного времени. Так насильственно, целенаправленно приучают наших граждан к мысли о том, что идет война. Нам прямо-таки навязывает центральная власть самое ужасное из всех самочувствий, чтобы люди тряслись от страха и спасали каждый свою несчастную жизнь. Был случай доказать, что народ наш еще не дозрел до трехдневного стояния на морозе по команде Павлова, — и самое время было пройтись на митинг против этого оккупационного стиля, в котором нам предлагается впрямь вырабатывать «новое мышление».

Демократы, на мой взгляд, упустили время и для налаживания человеческого диалога, и взаимопонимания с армией, которая патрулирует теперь города и которая состоит, разумеется, не сплошь из «черных полковников». Армия — в бедственном положении, там люди калечат и убивают друг друга, и жестокость, цветущая внутри казармы, вылескивается на улицы.

Да и вообще, разговоры, что весь народ плох, ленив, никуда не годен, — чудовищно несправедливы. Просто западная система, поставив экономический заслон худшим людским качествам, поощряет лучшие, а советская — наоборот. Но и там, и тут, как и во всех странах и нациях и во все времена, соотношение честных и негодяев, умных и глупых, тружеников и лодырей — примерно одинаково.

— И родись, скажем, Горбачев американцем, то?..

— ...С его нравом и складом ума стал бы если не ведущим политиком-сенатором, то крупным бизнесменом. Тому причиной: его напор, гибкость и способность к любым контактам для достижения конкретной практической цели; его точное знание, на кого сделать ставку, чтобы взять власть; с кем договориться на взаимовыгодных началах, чтобы власть внедрить и пустить в ход; и, наконец, на какие силы в должный час опереться, чтобы власть удержать — и надолго. В этом смысле «линия Горбачева» никогда не менялась, он — один из самых прямолинейных, открытых политиков, меняющих лишь свое окружение в зависимости от витка, ведущего к изначальной цели.

Демократы получили от Горбачева пе-

рестройку и гласность. Опираясь на них, Горбачев приобрел авторитет реформатора международного масштаба. В ходе перестройки выяснилось, что демократы не смогли противостоять натиску партконсерваторов, более компетентных по части манипуляций разрушенной экономикой и враждующими регионами. Тут крайне удачной оказалась идея центра: напугать Запад картиной нашего неуправляемого развала и угрозой неконтролируемости оружия в этом грядущем хаосе. И, естественно, Запад предпочел любую авторитарную власть, опирающуюся на прочные структуры — армию, КГБ, МВД. На этом витке демократы Горбачеву страшно мешают, вытаскивая из-под него Союз по клочкам. Одновременно они раздражают его своей практической беспомощностью, непониманием происходящего в его четком раскладе, а также актерством и красованием, к сожалению, свойственным в избыточной мере многим из главных действующих лиц демдвижения. И в результате часть демократских мероприятий, заявлений, призывов лишь помогает Горбачеву крепить безграничную власть, что он будет делать и впрямь со всей очевидностью.

Народ, о котором пишут газеты, его не поддерживает. Но ведь партчиновники и «черные полковники» тоже считают себя народом, всех нас народили. Другое дело: если власть выражает интересы одной части народа и пренебрегает интересами другой, значит, она не выражает интересы народа вообще. Ибо демократия — это не власть большинства, это — власть всех. Не забудьте, что именно демократия приговорила Сократа к самоубийству.

— Юнна Петровна, вернемся к «будущему». Как ассоциируется у вас с нашим завтра имя Бориса Ельцина?

— Работать Ельцину тяжело и опасно.

Ельцину и его команде предстоит доказать, что и они способны разрушить берлинскую стену, вывести войска из концлагеря, владеть золотым запасом, влиять на ход событий в персидских землях и на устойчивость мировой экономики. В переносном смысле: команда Ельцина не вполне понимает, что именно стоит за идеей «мирового порядка» и как будет разворачиваться свиток этой идеи в зависимости от геополитической экономики. Ведь на самом деле нет никакого конца света. Наш «конец света» — сугубо отечественного производства, расплата за то, что так долго держали в страхе другие народы и государства, лишая себя достойной человеческой жизни. Если Ельцин все же сумеет поднять РСФСР без кровопролития и голода, то войдет в Историю не как вожак-популист и забияка, противостоявший Горбачеву, а как выдающийся деятель.

— А как ассоциируется с близким будущим имя Солженицына?

— Человек, перевернувший сознание нескольких поколений, не может стать «человеком прошлого», он — выдающаяся личность отечественной истории и культуры.

— Автомат системы Калашникова?

— Практика показала, что саперная лопатка или газ с романтическим названием «черемуха» действует ничуть не хуже.

— Аугусто Пиночета?

— Самая живая ассоциация.

Юрий ЗАЙНАШЕВ.